

ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

Р. С. ЛИПЕЦ, Т. С. МАКАШИНА

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

(К столетию основания Общества)

1

Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, столетие с основания которого исполнилось в нынешнем — 1964 году, возникло на гребне общественного оживления и демократического подъема в России 1860-х годов. Оно сыграло большую роль в развитии русской науки, в том числе и этнографической.

Важным в установках Общества был интерес к изучению своей страны — познанию Родины. Основатели Общества отчетливо сознавали новизну этой установки: «Интерес к изучению России, это новое явление, обнаружившись в нашей публике, не налагает ли на ученые общества и учреждения обязанности помогать этому интересу и стараться, чтоб он из простой любознательности перешел в серьезное изучение, и стал необходимостью каждого образованного русского»¹. В отношении этнографических исследований они с горечью отмечали, что «публика более знакома хотя с главнейшими особенностями племен Африки и Австралии, чем с племенами, населяющими Россию»².

Следует напомнить, что тот же поворот к изучению современного быта России, необходимому в условиях ломки общественных отношений и быта при отмене крепостного права, наметился в эти годы и в Русском географическом обществе, существовавшем в Петербурге уже два десятка лет.

Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ) содействовало превращению Москвы в научный центр в области этнографии. Для Общества была характерна комплексность исследований, тесная связь между разными областями знаний, отсутствие узко профессиональной замкнутости. В него входили ученые разных специальностей и широкие круги любителей, в большинстве демократически настроенная интеллигенция. Специалистов-этнографов

¹ «Всероссийская этнографическая выставка, устроенная Обществом любителей естествознания, состоящим при Московском университете в 1867 году», М., 1867, стр. 30.

² Там же, стр. 2.

в 1860-х годах не было, но вопросами этнографии (и фольклора, который от нее не отделялся) интересовались и естествоиспытатели, и юристы, и филологи; позднее в нем выросла и плеяда специалистов-этнографов.

Инициаторами Общества была университетская молодежь во главе с экстраординарным профессором А. П. Богдановым, которому тогда еще не исполнилось и 30 лет. Президентом Общества (1864—1884) согласился стать заслуженный профессор Г. Е. Шуровский, сочувствовавший этому начинанию, в то время как в научных кругах сомневались в успехе задуманного дела.

Впоследствии с этнографической деятельностью Общества были связаны крупные русские этнографы второй половины прошлого и начала нашего века: В. Ф. Миллер, М. М. Ковалевский, Д. Н. Анучин, Н. Н. Харузин, А. В. Марков, Л. Я. Штернберг, В. Г. Богораз и др., а также ученые, деятельность которых развернулась уже в советское время: П. Г. Богатырев, Б. М. и Ю. М. Соколовы и др.

Общество было основано при Московском университете, как только новым уставом Университета (1863 г.) было разрешено устройство научных обществ. Вначале оно называлось Обществом любителей естествознания, но вскоре круг его деятельности расширился, в 1867 г. в нем было уже три основных отдела: естествознания, антропологии и этнографии, и Общество получило свое полное название; эти отделы, в свою очередь, образовали ряд отделений и комиссий. Датой основания Общества обычно считается 14 мая 1864 г.— первое заседание членов-основателей. Начальной же датой этнографических мероприятий Общества можно считать 29 декабря того же года, когда состоялось первое заседание Комитета по устройству этнографической выставки. Этот Распорядительный комитет и был преобразован после закрытия выставки в Этнографический отдел Общества.

Хотя Этнографический отдел Общества был основан только в 1867 г., этнографическая работа в ОЛЕАЭ началась с первых дней его существования, когда пропагандистом сборов и демонстрации этнографических материалов выступил основатель Общества, естествоиспытатель А. П. Богданов. «Доисторический человек,— говорил он впоследствии,— ...был тем звеном, которое связало антропологию с... археологиею и историею... Антропологические вопросы о ныне живущих племенах связали те же естественноисторические науки с этнографиею и лингвистикою»³. Этой комплексностью исследований обуславливалась отчасти и разносторонность Общества, ставшего, по словам современников, до некоторой степени академией. С 1880-х же годов, когда Этнографический отдел возглавил В. Ф. Миллер, им была воспитана целая школа молодых ученых-этнографов.

Президентом Общества в течение десятилетий (с 1890 г. до своей смерти в 1923 г.) был Д. Н. Анучин, сочетавший и в своей научной деятельности, и в руководстве Обществом верность принципам комплексного изучения явлений этнографии, антропологии и археологии, известного в науке под названием «анучинской триады». Вплоть до слияния ОЛЕАЭ с Московским обществом испытателей природы в 1930 г. антропологи по-прежнему интересовались проблемами этнографии и связями ее с «этнической антропологией», совмещали антропологическую работу в экспедициях со сбором этнографических предметов и т. д.

³ А. Богданов, Антропология и университет. Речь, произнесенная в торжественном собрании Московского университета 12 января 1876 г., М., 1876, стр. 19.

Широкий размах деятельности Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии сказался в связях его со многими научными обществами и учреждениями в России и за рубежом, в первую очередь с Русским географическим обществом.

Представители рядовой провинциальной интеллигенции, как городской, так и сельской, были связаны с местными статистическими комитетами, архивными комиссиями, научными обществами при университетах. Многие этнографические сведения и фольклорные записи поступали в Общество благодаря содействию, например, Управления учебных округов, распространявшего программы по собиранию одежды и др.

Слово «любители» в названии ОЛЕАЭ (употреблявшееся и в названиях многих русских обществ первой половины XIX в.) получило здесь новый оттенок. Спустя полвека после организации ОЛЕАЭ В. В. Богданов, бывший секретарем этого научного общества, писал: «Это выражение «любителей» не совсем нравилось некоторым членам Общества, но по отношению к нашему Обществу, ставящему одной из главных своих задач содействие к распространению научных сведений и привлекающему к участию в трудах своих отделений и молодые силы, в том числе студентов, оно имеет смысл. Оно дает возможность действовать и трудиться на пользу Общества и не специалистам-ученым, а именно любителям, вообще лицам, сочувствующим целям Общества, которые иногда могут оказывать и немаловажные услуги науке»⁴.

ОЛЕАЭ резко отличалось от ранее основанных в Москве узко академических обществ, например Московского общества испытателей природы, в которое допускались только ученые-специалисты и узкий круг избранных лиц. Новое общество с самого начала стремилось решать и широкие задачи просветительского характера; однако и в своей исследовательской работе оно опиралось на широкие слои интеллигенции, в том числе и сельской.

Этнографический отдел печатал и рассылал программы для собирания этнографических и фольклорных материалов, публиковал полученные в ответ из глубокой периферии рукописи — тексты, описания, режее исследования. Для лучшей и планомерной связи с провинцией Общество имело своих «уполномоченных» в ряде крупных, в особенности университетских, городов из числа местных ученых или любителей⁵.

Эти установки Общества наиболее систематично проводил в жизнь сам председатель Этнографического отдела — В. Ф. Миллер. Связанный с Кавказом своими многолетними исследованиями в области лингвистики, фольклора, археологии, он создал там чрезвычайно деятельную и обширную сеть корреспондентов, среди которых были и учителя, и землемеры, и техники нефтяных промыслов, и даже машинист паровоза (Инал Собиев)⁶.

Для Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии была характерна постепенная дифференциация его отделов на отделения и различные комиссии, усложнение его структуры. Этнографический отдел выделил две комиссии: музыкально-этнографическую

⁴ «Пятидесятилетие Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии». Составил Секретарь Общества В. В. Богданов, М., 1915, стр. 12.

⁵ В Киеве — В. Б. Антонович, в Новгороде — Н. Г. Богословский, в Нижнем Новгороде — А. С. Гациский, в Варшаве — Д. Я. Самоквасов, в Дерпте — Л. Х. Штида, на Кавказе — В. И. Чернявский, в Олонецкой губернии — Е. В. Барсов, в Казани — Э. Д. Пельцам, в Екатеринодаре — Е. Д. Фелицын, в Коканде — С. И. Моравицкий.

⁶ См.: Б. А. Калоев, В. Ф. Миллер — кавказовед, Орджоникидзе, 1963.

(в 1902 г.) и по народной словесности (в 1911 г.). В первой работал С. И. Танеев, до этого еще участвовавший в кавказских экспедициях отдела, и другие московские композиторы. Д. И. Аракчиев (Аракишвили) «дал впервые научное описание грузинских музыкальных инструментов со всеми их локальными особенностями»⁷. Комиссия помогала популяризации творчества народных певцов, старалась облегчить М. Е. Пятницкому, создававшему хор, «доступ его к изучению песен и организации хоровых исполнений в разных губерниях России»⁸.

Комиссия по народной словесности издала и разослала специальную программу⁹. В нее стали поступать все фольклорные материалы, присылаемые в Общество. Так как к 1911 г. был накоплен огромный фонд фольклорно-этнографических записей в Этнографическом отделе, члены комиссии разобрали и описали его. Были изданы два выпуска библиографического указателя по фольклору¹⁰. Члены комиссии совершали ряд поездок, а в своих докладах и статьях доказывали необходимость изучать фольклор во всем его объеме, не архивизируя его и не исключая новые его формы, в том числе и урбанистические.

При Этнографическом отделе не оформленная, однако, в особую комиссию работала сильная группа юристов во главе с М. М. Ковалевским, занятая разработкой проблем обычного права, понимаемого как рудименты древнего закона. В отделе вместе с ним стали работать крупные московские юристы (А. П. Чупров, Н. О. Нерсесов и др.) и юристы-этнографы (среди них Н. Н. Харузин, Е. И. Якушкин). Таким образом, Общество включилось в характерную для русской этнографической школы (которую даже называли иногда «юридической») работу по обстоятельному изучению обычного права народов России. Вопросы по обычному праву, содержащиеся в программах, рассылаемых Обществом, были иногда настолько социально остры, что привлекали внимание полиции, преследовавшей затем местных собирателей¹¹.

2

Наиболее крупным и значительным по результатам мероприятием Общества в области этнографии была Всероссийская этнографическая выставка 1867 г., открытая с 23 апреля по 19 июня в Москве (в Манеже). Подготовка к ней началась с 1864 г. и в течение трех лет были разнообразными путями собраны ценнейшие экспонаты.

«На такой выставке представители главнейших племен (России.— Р. Л., Т. М.),— писали устроители,— должны быть размещены по возможности в их естественной обстановке, с атрибутами их домашнего быта... в их географической последовательности»¹².

На ней было представлено большинство (60) народов России, а в процессе подготовки был расширен и охват материала: было решено показать на выставке и быт зарубежных славянских народов.

⁷ Б. А. Калоев, Указ. раб., стр. 16.

⁸ Там же.

⁹ «Программа для собирания произведений народной словесности», М., 1912.

¹⁰ «Библиографический указатель литературы по народной словесности на русском языке», вып. 1, М., 1913; вып. 2, М., 1914.

¹¹ И. В. Костоловский, один из постоянных корреспондентов Общества, писал 8 мая 1909 г. Вл. В. [Богданову], в ответ на просьбу прислать автобиографию, из с. Корма (Рыбинского уезда Ярославской губернии): «...Собирать этнографию в настоящее время довольно стеснительно. Я отвечал Вам на Вашу программу и там в программе есть вопрос: Кому принадлежит земля — по поверью? и за это собирание о земле я попал в 1905 г. в ноябре месяце под прокурорский надзор, да и чуть и не в тюрьму и за что? — а все за собирание этнографии (но конечно общ[ество] Ваше всего этого не знает и я об этом не сообщал» (Архив Института этнографии АН СССР, ф. ОЛЕАЭ, № 352).

¹² «Всероссийская этнографическая выставка...», стр. 3.

Программные установки для сбора материалов были изложены в ряде «инструкций» Общества, публиковавшихся в периодических изданиях, отдельными брошюрами и рассылаемых на места. Особенно подробно были «Правила для экспонентов русской выставки»¹³.

Были опубликованы также «Инструкции для художников», «Объявление от фотографической комиссии». От художников и скульпторов требовалось, чтобы никто при выработке манекенов и масок «не уклонялся бы от типичности»¹⁴, выдерживал бы точность при передаче цвета волос и глаз, размеров лица, роста и т. д., т. е. вообще определенного физического типа у различных народов России. Манекены были затем выполнены по маскам, фото и пр. квалифицированными скульпторами (академик С. И. Иванов, проф. Н. А. Рамазанов, анималист С. П. Захреватский, И. Л. Севрюгин, позднее оформлявший и Антропологическую выставку 1879 г., и др.).

Все это дало возможность получить планово собранные, хорошо сравнимые, легко классифицирующиеся по отдельным областям материальной и духовной культуры экспонаты в сочетании их с данными антропологии.

Экспозиция выставки, распадавшаяся на три отдела¹⁵, заключала много свежего и оригинального. В «Отделе групп» были комплексно показаны натуральные жилища того или иного народа с группами манекенов в национальных костюмах, изображавших людей в живых позах, занятых тем или другим видом деятельности. В жилищах и вокруг них были скомпонованы различные орудия труда, утварь и пр. Тут же находились и чучела транспортных домашних животных (например, киргизского коня и верблюда, лошади словенца-всадника, чумацких волов), в верховой упряжи или запряженных в арбу, телегу и т. п. Этот новаторский в то время принцип позднее утвердился в экспозиции русских музеев, получив название «обстановочных сцен».

Как образец обстановочной сцены можно привести «группу», составленную по экспонатам, присланным отцом известного этнографа-путешественника Чокана Валиханова, по «сибирским киргизам Средней Орды» (казахам) Кокчетавского округа: содержание ее — момент свадебного обряда, в котором было намечено и социальное расслоение казахов того времени: три манекена в пышных костюмах (два женских и один мужской) представляли собой семью богатого казаха, четвертый, в обычном костюме — прислуживающего казаха, держащего в поводу лошадь, предназначенную для невесты, с женским седлом, мешками, под особым, употреблявшимся на свадьбах покрывалом. Кибитка с внутренним убранством позволяла видеть, как варится пища на казане, принадлежности для приготовления кумыса. Другие костюмы и бытовые предметы — орудия, кожаные седла и разные принадлежности вер-

¹³ «Кроме полных местных и типичных костюмов со всеми принадлежностями местного быта и в сопровождении фотографических портретов с типичных лиц местного населения, необходимых для составления этнографических групп выставки, могут быть приняты и помещены в особом отделе отдельные предметы или коллекции их, относящиеся к следующим разрядам: а) предметы, входящие в состав костюма, как-то: головные уборы, нижнее и верхнее платье, шитье, обувь, украшения и проч.; б) предметы убранства горниц; в) посуда домашняя и столовая; г) инструменты домашние; д) инструменты музыкальные; е) мебель; ж) игрушки и детские вещи; з) предметы домашних и общественных обрядов (в особенности идола, как предметы во многих идолопоклоннических местностях быстро истребляемые); и) сельскохозяйственные и промысловые орудия; i) модели судов и их принадлежностей; к) модели жилищ; л) снаряды для меры, веса и счета; м) шкуры домашних животных, характеристичных для данной местности» (Там же, стр. 15).

¹⁴ Там же, стр. 11.

¹⁵ «Указатель русской этнографической выставки, устроенной Обществом любителей естествознания, состоящим при Московском университете», М., 1867.

ховой езды, утварь, музыкальные инструменты, детские игрушки, присланные Валихановым, были экспонированы в общем отделе, кроме того, он дал и коллекцию фото¹⁶.

Наиболее сложная «группа» по зарубежным славянам (словенцам из Зильской долины) также была посвящена свадьбе. Ее передал Матий Маяр из Южной Штирии. Она содержала материал не только по самой свадьбе, но и по разным сложным народным играм (даже со всадником, добывающим приз) — все на фоне бытовой обстановки. А. И. Вукашинович передал модель целого хозяйства в Славонии — семь построек, орудия сельскохозяйственные, прядения и ткачества, мебель, утварь¹⁷.

Во втором отделе выставки — «Общем этнографическом» — экспонаты были расположены по категориям, намеченным в «Инструкции».

Третий отдел — «Антропологический и археологический» также был связан с этнографической тематикой. Он представлял быт и облик «доисторического человека» и содержал материалы по тому разделу антропологии, который теперь называется «этнической антропологией».

Экспонировались и альбомы художников (например, «Киргизский этнографический альбом» В. Плотникова, «Альбом Большой Орды и дикокаменных киргизов» учителя Кашарова из Томска). Искусство фотографирования было тогда еще новинкой, но фотоснимки ряда лиц не только использовались как справочные при выделке манекенов и устройстве обстановочных сцен, но и как самостоятельные экспонаты.

Среди коллекций, присланных отдельными лицами, выделялись также разнообразием, вдумчивостью их подбора и богатством пожертвования из Царства Польского (этнография поляков, русских, литовцев) известного деятеля того времени по крестьянскому вопросу и экономиста — кн. В. А. Черкасского. Ценной была также коллекция из Западного края, присланная П. П. Муромцевым, содержащая, кроме костюмов белорусских крестьян, евреев-ремесленников и др. и большого количества этнографических предметов, десять моделей жилых и хозяйственных построек Могилевской губернии и многочисленные фотоснимки.

Характерно, что к изготовлению предметов и их моделей в отдельных случаях привлекались крестьяне. Так, Е. Д. Григорьев, председатель Россиенского мирового съезда, приславший модели 10 построек разного назначения, указал, что «модели сделаны жмудином, крестьянином деревни Краполей, Ботокской волости, Россиенского уезда — В. Штрефелем»¹⁸.

Самостоятельно прислали экспонаты крестьяне из северных губерний: Кандаков из Архангельской губернии и уезда (сельскохозяйственные орудия), Хохлин из Вачевской волости той же губернии (рыболовные орудия)¹⁹.

Из ученых-этнографов и путешественников, участвовавших в устройстве выставки, можно упомянуть Л. А. Загоскина (экспонаты по алеутам и племенам побережья Берингова моря и Америки), С. И. Гуляева (по Сибири) и др. Из числа членов Общества (Этнографического отдела еще не было) участвовали в выставке всего 23.

Наибольшее количество экспонатов было получено, однако, не от отдельных «жертвователей», а от ученых обществ, центральных и провинциальных, а в особенности — через губернские статистические комитеты и особые вспомогательные комитеты по устройству выставки.

¹⁶ См.: «Указатель...», стр. 24—25, 89, 110—111, 123, 139.

¹⁷ Там же, стр. 73—76, 134—135.

¹⁸ «Указатель...», стр. 128.

¹⁹ Там же, стр. 131.

учрежденные на местах. Статистические комитеты, созданные незадолго до этого, играли на местах большую культурную роль, занимаясь не только подготовкой статистических сведений, но и издавая литературу широкого краеведческого профиля (сборники, памятные книжки), организуя поездки для изучения местного края и пр.

Из научных обществ наибольшую помощь в устройстве выставки оказало Русское географическое общество, и позднее поддерживавшее с молодым московским Обществом довольно тесную связь. Им были переданы для выставки 20 костюмированных манекенов, отдельные предметы, фотографии по разным народам России²⁰.

Среди других обществ и учреждений, участвовавших в выставке, следует назвать С.-Петербургский сельскохозяйственный музей, Кавказское общество сельского хозяйства, экспонаты которых как бы представляли тематику «промышленной этнографии» на Политехнической выставке 1872 г. (например, давящая для винограда, салазки для молотбы хлеба).

Интерес к ломке патриархальных отношений, дифференциации деревенского населения, к разрушению замкнутого крестьянского быта, характерный для пореформенной эпохи, сказался во внимании устроителей выставки к отходникам-мастеровым, кустарям, к промысловой прослойке населения, мелким бродячим торговцам и пр. Так как в потоке экспонатов, поступавших для выставки, таких материалов было относительно мало, Комитет выставки, видимо, решил заполнить этот пробел. Самостоятельно он приобрел только следующие костюмы русских с принадлежностями быта и заказал для них манекены наиболее квалифицированным исполнителям: «московский фабричный с гармонью», «дворник» (содержатель постоянного двора), «извозчик», «ямщик», «торжковских товаров продавец», «продавец книг и лубочных картин», «владимирец коробейник», «рязанец целовальник на телеге», «коновал», «вожак с медведем», «мальчик с козой и барабаном»²¹.

Напомним, что этим категориям населения уделял большое внимание в своем поэтическом творчестве в то время Н. А. Некрасов, а в полубеллетристических очерках — известный этнограф С. В. Максимов. Любопытно, что в своем пространном печатном отзыве о выставке он остановился на процессе разрушения крестьянских традиций в costume и, указывая на повсеместное постепенное вытеснение в России мужской традиционной одежды у крестьян городской, особо выделял профессиональную одежду²².

Все эти общества и учреждения, в которых действовали зачастую демократические элементы, как и сам Комитет, старались обычно показывать бытовую этнографию в неприкрашенном виде. Однако были на выставке и материалы другого рода. Представители правительственных кругов, заигрывавших тогда с общественностью, решили воспользоваться инициативой Общества и продемонстрировать на выставке мощь и этническое разнообразие Русского государства, конечно, в тенденциозном плане. Через свой разветвленный аппарат и личными «дарами» они

²⁰ Материалы, полученные из РГО (в терминологии того времени), относились к алеутам, колошам, лопарям, обдорским осякам, бурятам, тунгусам, минусинским татарам, киргизам, калмыкам, черкесам и др.

²¹ См. «Указатель...», стр. 45, 47—48. Кроме этих фигур, Комитетом были заказаны только две фигуры мальчиков, занятых народными играми.

²² См. в газете «Голос» за 1867 г. (№ 149) его фельетон. Интерес к промышленности, хотя бы кустарной, сказался также в экспозиции типов дешевых серег и их производства, зеркал, всяких шнуров и тесьмы, игрушек, очков. Была показана и великорусская изба, «богатая по той обстановке, которая уясняет жизнь крестьянина-промышленника» («Всероссийская этнографическая выставка...», стр. 47).

заполнили выставку экспонатами, долженствующими выдать быт социальной верхушки кочевых «инородцев» России, наиболее зажиточной части крестьянства и богатых горожан за основу народного «маститого быта»²³. Выставка должна была служить подтверждением патриархальности, твердых устоев быта, незыблемой религиозности народов России, все равно — в отношении христианства, ислама, буддизма, иудаизма.

В некоторых официальных речах на открытии выставки подчеркивалось, что идея устройства выставки «нашла живое сочувствие от Охотска до Вислы и от Арарата и Риона до Лапландии», что национальное чувство «отозвалось не только в чисто русских сердцах, но и в азиатских инородцах»²⁴.

Организационная работа за рубежом проводилась Комитетом как непосредственно, так и через консулов, посольства и пр. Особо велика была роль в сборе экспонатов по славянской этнографии в австрийских владениях М. Ф. Раевского, священника при русском посольстве в Вене, сумевшего привлечь к этому делу славянские научные общества²⁵ и ряд частных лиц. К открытию выставки был приурочен Славянский съезд в Москве, на который съехались свыше 80 делегатов, среди них — видные ученые и деятели национального освобождения. Созыв международных съездов при открытии последующих выставок ОЛЕАЭ стал своего рода традицией (Антропологический съезд в 1879 г., Географический — в 1892 г.).

Выставка пользовалась огромным успехом. За два месяца ее посетило более 80 тысяч человек. Окупились все орудия и расходы по ее устройству.

К моменту закрытия выставки стало ясно, что накоплен опыт этнографической работы, подобраны кадры сотрудников-этнографов в центре и в провинции и что наступило время публиковать результаты собирательской работы и развернуть музейное и экспедиционное дело; опять встал вопрос о курсе этнографии в университете. «...Музею, исследованиям и преподаванию — принадлежит вырастить плод от тех стволов, корнями которых является выставка»²⁶, — говорил председатель Комитета по устройству выставки В. А. Дашков.

3

Систематическое устройство выставок ОЛЕАЭ было вызвано не только стремлением популяризировать соответствующую отрасль знания, но и потребностью создания в Москве музеев, основой которых и служили экспозиции и фонды выставок, подготовлявшихся каждый раз в течение нескольких лет. Не случайно и осуществление первой выставки 1867 г. стало возможным из-за перспектив создания в Москве этнографического музея. В. А. Дашков, бывший впоследствии директором Московского Публичного музея, видел существенный пробел в экспозиции музея, в котором «недостает чрезвычайно полезного и интересного этнографического отдела, устройство которого требует однако и специальных знаний, и значительных издержек, превышающих средства Музея и университета»²⁷. Узнав об идее устройства этнографической выставки Обществом любителей естествознания, он справедливо счел, что силами Общества можно будет организовать сбор материалов, которые

²³ «Всероссийская этнографическая выставка...», стр. 68.

²⁴ Там же, стр. 65.

²⁵ Галицко-русская матица и Русский народный дом во Львове, Общество для изучения южнославянской истории и языка в Загребе, Сербское ученое общество.

²⁶ «Всероссийская этнографическая выставка...», стр. 39.

²⁷ «Пятидесятилетие...», стр. 9.

затем лягут в основу нового отдела музея, и 10 мая 1865 г. предложил Обществу необходимую для выставки сумму в 18 тыс. рублей на условии, что вся этнографическая коллекция будет затем передана в Московский Публичный музей. После закрытия выставки она и образовала там так называемый Дашковский этнографический музей, «устроенный при содействии Общества любителей естествознания, состоящего при Московском университете»²⁸, причем особо было оговорено, что коллекции выставки должны оставаться доступными членам Общества для их работ.

В отчете Распорядительного комитета выставки указано, что в музей была передана «обширная этнографическая коллекция» стоимостью в 50 тыс. рублей и, таким образом, устройство музея не потребовало дополнительных материальных затрат. Эта основная коллекция содержала, по отчету Комитета, «288 манекенов, до 450 костюмов, до 1200 номеров предметов домашнего быта, орудий и моделей и до 2000 рисунков и фотографий»²⁹.

Постепенно Дашковский музей превратился в один из основных этнографических центров России и сконцентрировал огромные материалы почти по всем народам страны. В этом особенно велика заслуга В. Ф. Миллера, являвшегося с 1884 по 1897 г. ученым хранителем Дашковского музея, систематизировавшего коллекции музея и издавшего описание их. Часть суммы, полученной обратно от ОЛЕАЭ, В. А. Дашков употребил на издания музея (см. ниже).

В Политехническом музее, основанном на базе коллекций Политехнической выставки 1872 г., было много ценных материалов по этнографии (например, в отделе рыболовства и охоты). Этнографическую тематику содержали и «Воскресные объяснения коллекций» при этом музее. Однако вторым развивавшимся этнографическим центром в Москве, хотя и менее значительным, чем Дашковский музей, стал другой музей — Антропологический при Московском университете, созданный на базе Антропологической выставки 1879 г., где в особом отделе были экспонированы первоначально относительно небольшие этнографические коллекции. Впоследствии фонды этого отдела пополнялись поступлениями от научных экспедиций и от путешественников. Так, в 1880—1890-х годах коллекции по народам Сибири и Дальнего Востока были доставлены Н. Л. Зеландом (гиляки), Ф. Я. Коном (сойоты — тувинцы), В. К. Арсеньевым (народы Приамурья), Н. Л. Гондатти (чукчи и вогулы), Е. И. Луценко (теленгеты) и др. К. Д. Бальмонт передал музею коллекции по Яве, Цейлону, Новой Гвинее, В. В. Троицкий — по Центральной Африке. К началу XX в. этнографический отдел содержал «серии коллекций по быту народов Америки, Африки, Азии, Полинезии, Меланезии, по быту сибирских, среднеазиатских и других народностей»³⁰. Был открыт при Московском университете после Географической выставки 1892 г. и Географический музей, также близкий к этнографической тематике.

Лекционная работа, связанная в основном с выставками и музеями, занимала важное место в деятельности Общества. Недаром в начале нашего века современники называли его первым народным университетом. Еще перед самым открытием Этнографической выставки 1867 г., в феврале — марте московской профессурой был прочитан цикл лекций (среди которых были и лекции с этнографической или близкой к ней

²⁸ «Всероссийская этнографическая выставка...», стр. 94.

²⁹ Там же.

³⁰ Т. Д. Гладкова, Антропологическая выставка 1879 г. и основание Музея антропологии, «Сов. антропология», 1959, № 2, стр. 135.

тематикой³¹⁾ с целью материально поддержать устройство выставки и привлечь внимание к областям знания, связанным с изучением человека.

Наиболее же велико было общественное значение публичных лекций в Политехническом музее, которые читались там по различным областям знания с 1872 г. в течение десятков лет — так называемые «Воскресные объяснения коллекций музея»³²⁾. К. А. Тимирязев, сам участвовавший в «воскресных чтениях», с присущей ему социальной остротой мышления, проникновенно обрисовал обстановку на них в аудитории Политехнического музея в 80-х годах: «Не знаю, многим ли из вас, мм. гг., случалось бывать в этой зале в воскресенье утром, но я позволю себе утверждать, что ни в лондонском Кенсингтоне, ни в парижской Conservatoire'e не встречал я картины более утешительной. Вы встретите здесь толпу, самую пеструю, какую по старой привычке могли бы себе представить где угодно, но уж никак не в аудитории. А между тем это факт; эта толпа в аудитории, она составляет аудиторию, внимательно, жадно ловящую слова не сказки, не потешного рассказа, а ставшего доступным ее пониманию научного вопроса... Быть может, я увлекаюсь, преувеличиваю значение этого явления, но, при каждой новой встрече с ним, мне представляется, что здесь, в зачаточной форме, в микроскопических размерах, но все же проявляется начало осуществления колоссальной задачи будущих веков, что это только начало расплаты того веками накопившегося долга, который наука, цивилизация, рано или поздно, должна же вернуть тем..., на плечах которых они совершали и совершают свое торжественное шествие»³³⁾. Эти слова характеризуют не только «воскресные чтения» Общества, но и самого Тимирязева, который смог приступить к осуществлению «колоссальной задачи» вплотную только после Октябрьской революции, но прозорливо предвидел ее еще в обстановке царской России.

Для студенческой молодежи и начинающих ученых (как, впрочем, и вообще для научных кругов) большое воспитательное и познавательное значение имели заседания Общества с их содержательными, свежими докладами. Они также публиковались в протоколах заседаний отделов и в отчетах, хотя бы в сокращенном, конспективном виде, и становились достоянием всей читающей публики.

Общество, основанное при Московском университете, естественно, с самого начала опиралось на студенчество, из его среды выращивая своих сотрудников, посылая студентов в экспедиции, направляя их первые шаги на научном поприще. Заседания Общества для студенчества являлись ценным дополнением к теоретическим университетским курсам.

4

Экспедиции проводились Обществом с года его основания, и постепенно их размах все увеличивался. Президент Общества Г. Е. Щуровский еще в 1867 г. четко определил значение экспедиций в своей

³¹⁾ Приводим перечень некоторых лекций: «Этнографическая школа в праве» (лектор М. Н. Капустин), «Этнографические вымыслы наших предков» (Ф. И. Буслаев), «Об историческом движении русского народонаселения» (С. М. Соловьев), «О славянских племенах» (М. П. Погодин), «Влияние племенного характера на народное хозяйство» (И. К. Бабст), «О значении краниологии» (А. П. Богданов) (См.: «Всероссийская этнографическая выставка...», стр. 25).

³²⁾ Эти лекции публиковались в особых выпусках «Известий Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии».

³³⁾ «Пятидесятилетие...», стр. 28.

речи на годичном собрании: «Экспедиции составляют коренную потребность нашего Общества. В них архимедов рычаг для движения русской науки»³⁴.

Если при устройстве Этнографической выставки еще сочли возможным обойтись без экспедиционных выездов, то последующий период жизни Общества был связан с развитой экспедиционной работой. Большая часть экспедиций преследовала цель естественнонаучного изучения страны, но и в них — в особенности в антропологических — в большинстве случаев собирали и этнографический материал; в этом также сказался принцип комплексности в изучении человека. Кроме того, было проведено много и чисто этнографических экспедиций. Из них отметим многолетние поездки на Кавказ В. Ф. Миллера, некоторые совместно с М. М. Ковалевским, Н. Н. и А. Н. Харузиными и почти всегда в сопровождении местных кавказоведов: учителей Цоцко Амбалова, С. В. Кокиева, студентов Петровской сельскохозяйственной академии С. А. Туккаева и Сафира Урусбиева и др. Многие из них, записывая фольклорные тексты и делая этнографические наблюдения, помогая Миллеру в составлении словарей, прошли хорошую научную школу и впоследствии работали в этой области самостоятельно.

К экспедициям в отделах Общества готовились долго и планомерно; разрабатывали и обсуждали общие и специальные подробные программы сбора этнографических материалов. Сбор вещей, фотографирование их и бытовых сцен, наблюдения над жизнью населения в экспедициях Антропологического отдела особенно усилились перед Антропологической выставкой 1879 г. В 1877 г. были совершены поездки на Север Н. Я. Зографа, Н. К. Зенгера, А. И. Кельсиева; они привезли ценные материалы по лопарям, самоедам, русским. В том же году были совершены экспедиции к башкирам, в Приуралье (Ф. Ф. Нефедовым), на Кавказ (Н. Г. Керцелли) и др. Всего в 1877 г. из экспедиций было привезено 1724 предмета³⁵.

В провинции на средства, выделяемые Обществом, также совершались поездки, обычно под руководством уполномоченных Общества. Так, в план работ Общества вошли знаменитые раскопки Д. Я. Самоковасова в Черниговской губернии, проводилась собирательская работа Е. В. Барсовым.

Экспедиционные задания Общества сочетались со стационарной работой, иногда многолетней, в пределах двух-трех волостей или уездов одной губернии — например, собирателей С. Я. Дерунова, П. К. Дилаторского, А. Д. Неуступова. Их фольклорные собрания были фундаментальны по объему и охватывали нередко почти все жанры. При этом, пользуясь программами Общества, они вырабатывали и свой подход к записи текстов, стремились выяснить подлинную картину бытования фольклора, публиковать в сборниках не «лучшие, так сказать, очищенные материалы», а все, что действительно «находится в обращении у жителей одной определенной местности», не исключая и «темных сторон», как писал один из корреспондентов Общества³⁶.

Своеобразный характер носила собирательская работа политических ссыльных, которые, как известно, составляли сильное и передовое научное течение в русской полевой этнографии в конце XIX — начале XX в. В течение многих лет они были привязаны к какому-

³⁴ См. статью Т. Д. Гладковой в сб. «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии», II, М., 1963, стр. 179.

³⁵ «Изв. ОЛЕАЭ», т. XXVII, 1878.

³⁶ Письмо П. В. Иванова от 21 января 1890 г. к Николаю Андреевичу [Янчуку]. Архив Ин-та этнографии АН СССР, ф. ОЛЕАЭ, № 416.

небудь краю, одному из наиболее глухих и малоизвестных в России, и изучали его со всей социально-политической остротой и очень квалифицированно.

ОЛЕАЭ поддерживало обширные связи, более или менее тесные, с большой группой политических ссыльных—Д. А. Клеменцем, В. Г. Таном-Богоразом, Л. Я. Штернбергом, В. М. Ионовым, В. И. Исхельсоном, Ф. Я. Коном, В. Д. Бонч-Бруевичем и др. Оно поручало им сбор этнографических материалов, помогало консультациями, программами, присылкой литературы; печатало их труды в своих изданиях, несмотря на жесткий контроль цензуры. Иногда приходилось прибегать к псевдонимам; так, под псевдонимом Вс. Михайловича печатался Всеволод Михайлович Ионов³⁷.

5

Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии развернуло обширную издательскую деятельность. Одним из первых изданий по этнографии был упомянутый выше указатель к этнографической выставке 1867 г., составленный Н. К. Зенгером³⁸.

Указатель содержал подробное описание экспонатов, которые были расположены на выставке по этническо-территориальному признаку. Описанию каждой этнической группы была предпослана небольшая этнографическая справка, содержащая сведения о расселении народов этой группы, их численности, физическом типе, происхождении, занятиях, культуре и пр. Составленные на высоте уровня науки того времени, эти справки придавали указателю научное значение и сохранили известную историческую ценность до настоящего времени.

Два многотомных издания Общества были связаны, как уже упоминалось, с Дашковским этнографическим музеем. В. Ф. Миллером было составлено описание коллекций музея в четырех выпусках³⁹, сопровождаемое этнографическим обзором народов России; были изданы также три выпуска «Сборника по этнографии, издаваемого при Дашковском музее» (вып. 1—3, М., 1885—1888).

С первого же года основания Общества началось издание его «Известий» (включавших и серии Трудов отделов Общества) на русском языке. С 1864 по 1916 г. вышло 130 томов (не считая выпусков тома). Отдельные тома «Известий», кроме монографических выпусков, содержали разнородный материал: исследования, публикации материалов, протоколы заседаний отделов, экспедиционные и другие отчеты, информационные материалы. Из наиболее значительных в этнографическом отношении и известных работ, выходивших как в томах «Известий», посвященных деятельности всего Общества, так и особенно в Трудах Этнографического отдела, можно назвать и тематические сборники⁴⁰ и монографии по отдельным народам России (объ-

³⁷ Архив Ин-та этнографии АН СССР, ф. ОЛЕАЭ, № 62.

³⁸ Об авторстве Н. К. Зенгера см.: «Всероссийская этнографическая выставка», стр. 40.

³⁹ «Систематическое описание коллекций Дашковского этнографического музея», М., вып. 1, 1887; вып. 2, 1889; вып. 3, 1893; вып. 4, 1895.

⁴⁰ «Сборник антропологических и этнографических статей о России и странах, ей прилежащих», кн. I и II («Изв.», т. VII, 1868; т. XII, 1873); «Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России», вып. I—III («Изв.», т. LXI, 1889; т. LXIX, вып. 1, 1890; т. LXIX, вып. 2, 1891); «Материалы и исследования по изучению народной песни и музыки», тт. I и II («Изв.», тт. CXIII, CXIV, 1906, 1911).

единяющие обычно данные этнографии и антропологии⁴¹ и, реже, монографии по отдельным отраслям и явлениям народной культуры⁴².

С 1889 г. стал выходить периодический орган Этнографического отдела — журнал «Этнографическое обозрение», что значительно расширило возможности публикации поступающих в Общество материалов. Редактором журнала первоначально был Н. А. Янчук, с 1901 г. редакторами стали В. Ф. Миллер и Н. А. Янчук, а с 1909 г. также В. В. Богданов.

В журнале сотрудничали ведущие этнографы того времени⁴³. Многие крупные их исследования, вошедшие в основной фонд русской науки, — работы Л. Я. Штернберга по гилякам, В. Ф. Миллера — по русскому эпосу и др., опубликованные впоследствии отдельными книгами, впервые печатались на страницах «Этнографического обозрения». Множество местных собирателей, составлявших корреспондентскую сеть ОЛЕАЭ, представляли вторую часть контингента авторов журнала. Этнографы-любители (учителя, врачи, фельдшера, лесники, землемеры и др.) присылали записи фольклорных текстов, сообщения по быту и верованиям народов России; в их статьях порой делались попытки обобщения. Все эти материалы помогали зафиксировать определенный этап жизни страны, создавали надежную базу для общих теоретических выводов в русской этнографической науке.

Общество было постоянно стеснено в материальных средствах, и журнал издавали от номера к номеру, прибегая к общественной подписке, вкладывая личные средства членов Отдела (например, семьи Харузиных), и т. п. У редакции никогда не было уверенности, что журнал сможет выходить длительный срок бесперебойно.

Тем не менее редакция старалась выплачивать, особенно нуждающимся авторам, хотя бы небольшой гонорар. Но характерно, что значительная часть провинциальных авторов просила взамен гонорара присылки бесплатной этнографической литературы — изданий Общества и др., чтобы иметь возможность более квалифицированно вести собирательскую и вообще научную работу⁴⁴. Письма их полны жалоб на невозможность достать такую литературу в провинции⁴⁵. Для бесплатной рассылки было выделено более ста экземпляров каждого номера журнала; кроме того, рассылали и другую литературу. О большом практическом и моральном значении всей этой помощи писали в Общество многочисленные его корреспонденты.

Благодаря тому, что в портфеле журнала преобладал полевой материал, современный крестьянский, а отчасти и рабочий быт находил в журнале отражение, хотя при этом он нередко привлекался как свидетельство разрушения традиций крестьянской жизни или «порчи» фольклора. Демократические тенденции в деятельности Общества

⁴¹ К. А. Попов, Зыряне и Зырянский край («Изв.», т. XIII, вып. 2, 1874); П. С. Ефименко, Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, вып. 1 и 2 («Изв.», т. XXX, вып. 1, 1877; вып. 2, 1878); Ал. Харузин, Киргизы Букеевской орды, вып. I—II («Изв.», т. LXIII, 1889; т. LXXII, 1891); Н. Н. Харузин, Русские лопари («Изв.», т. LXVI, 1890); И. А. Житецкий, Очерки быта астраханских калмыков («Изв.», т. LXXVII, 1893).

⁴² В. М. Михайловский, Шаманство, вып. 1 («Изв.», т. LXXV, 1892). Кроме того, вне серий вышли книги: Н. Харузин, История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России, М., 1896; Г. Н. Потанин, Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе, М., 1899.

⁴³ Д. Н. Анучин, М. М. Ковалевский, А. Н. Максимов, А. В. Марков, В. Ф. Миллер, Г. Н. Потанин, А. Н. Пыпин, Н. Ф. Сумцов, Н. С. Тихонравов, Н. Н. Харузин, Н. М. Ядринцев, Е. И. Якушкин и др.

⁴⁴ См.: Архив Ин-та этнографии АН СССР, ф. ОЛЕАЭ, № 216, 363, 425.

⁴⁵ См., например, письмо Ф. Сперанского, там же, № 427.

отражались и на содержании журнала. Нередко он прямо примыкал к общественной оппозиции, поддерживая своим научным авторитетом борьбу с вопиющими проявлениями произвола царской администрации. Так, в журнале печатались статьи, в которых разоблачался расистский и провокационный характер судебных процессов того времени, сфабрикованных правительством, — так называемых «дела Бейлиса» и «Мултанского дела». Опровергая судебские измышления, авторы многочисленных статей аргументировали данными этнографии. Откликнулась редакция журнала и на борьбу с социальным бедствием 90-х годов — «голодными годами». Как уже упоминалось, журнал охотно предоставлял свои страницы политическим ссыльным, которые еще находились в ссылке или уже вернулись из нее. «Этнографическое обозрение» было, пожалуй, наиболее либеральным и прогрессивным из дореволюционных этнографических изданий, к тому же рассчитанным на широкий круг читателей и авторов. Однако в целом журнал все же стоял в стороне от общественной жизни. Основное внимание уделялось проблемам генезиса верований и фольклора, отчасти — пережиткам доклассовой социальной организации — первобытнообщинного строя.

Теоретические исследования, которыми (наряду с публикацией материалов) заполнялся первый отдел каждой книги, отличались эклектизмом. Не только в журнале вообще, но и нередко в работах одного исследователя сочетались господствующие научные течения (миграционная теория, эволюционизм, в начале XX в. — психологическая школа, или этнопсихология).

Во втором разделе журнала — критики и библиографии — редакция стремилась дать исчерпывающий охват текущей литературы по этнографии — русской и зарубежной (обзоры, рецензии, аннотации). Кроме того, печатали указатели по литературе отдельных групп народов (кавказской, сибирской, прибалтийской, украинской и др.). В хорошей постановке библиографического отдела в журнале особенно велика была заслуга Н. Н. Харузина, а затем его сестры — В. Н. Харузиной⁴⁶. Публиковались и хроникальные материалы по этнографической жизни России и отчасти зарубежных стран.

* * *

Таким образом, за все время существования Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии были собраны богатые коллекции этнографических материалов — вещевых и текстовых — как путем экспедиций, так и стационарным методом, организовывались выставки, основывались музеи, ссылались съезды (на которых всегда рассматривались и этнографические проблемы), читались лекции, издавались Труды и ряд журналов и пр. Общество направляло деятельность местных ученых обществ, научную работу университетов, статистических и иных учреждений.

После Великой Октябрьской социалистической революции на основе Общества были созданы научные институты, расширены и реорганизованы музеи, открытые при его содействии, и пр. В 20-х годах Общество продолжало сохранять до известной степени свое значение,

⁴⁶ Составленный ею библиографический свод к четырехтомному изданию лекций по этнографии Н. Н. Харузина, опубликованных после его смерти, имел, а отчасти и сохранил самостоятельную научную ценность (Н. Харузин, Этнография. Лекции, читанные в Московском университете, вып. IV: Верования. — В. Харузина, Материалы для библиографии этнографической литературы, СПб., 1905).

но впоследствии уступило постепенно место этим многочисленным исследовательским и просветительным учреждениям.

Коллекции Дашковского этнографического музея, в том числе и некоторые из обстановочных сцен выставки 1867 г. (например, чумаки у воза с волами, сцены у кибиток кочевников) экспонировались в 1930-х годах, — конечно, с известной переработкой, в Центральном музее народоведения (позднее Музей народов СССР), а ныне влились в экспозицию и фонды Государственного музея этнографии (ГМЭ) в Ленинграде; функционирует до настоящего времени Антропологический музей при Московском государственном университете.

Экспедиционная работа в Обществе наиболее энергично шла после Октябрьской революции в Антропологическом отделе (например, экспедиции 20-х годов в Туву под руководством В. В. Бунака, к народам Сибири — под руководством Б. А. Куфтина; в этих экспедициях уже участвовали молодые тогда ученые М. Г. Левин, Б. А. Васильев, А. Н. Покровский и др. В экспедициях по-прежнему разрабатывались проблемы этнической антропологии и одновременно было собрано много ценнейших этнографических материалов — вещевых и описательных. Позднее эта работа сосредоточилась в научно-исследовательском Антропологическом институте и музее при нем в МГУ и в Центральном музее народоведения, который стал в то время научным центром.

Комиссия по народной словесности функционировала до 1926 г., так как в тот период фольклористическая деятельность сконцентрировалась во вновь созданной Государственной академии художественных наук (позднее Государственной академии искусствознания), где была выделена особая подсекция фольклора; архив Комиссии впоследствии вошел в фонды Государственного литературного музея.

Во всех этих новых учреждениях работали наравне с другими члены ОЛЕАЭ и их ученики. В 1930 году Общество, за которым осталась по существу только популяризаторская деятельность, было слито со старейшим по сравнению с ним научным Обществом при Московском университете — Московским обществом испытателей природы.

Богатое наследие Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии — музейные фонды, архивы, публикации — должно быть изучено и использовано возможно более полно.

SUMMARY

The Society of Natural Science, Anthropology and Ethnology whose centenary was marked this year, was founded in 1864 under Moscow University. It played an important part in the development of Russian ethnology; in fact, it was known as the ethnologists, «Academy», since there were no specialized scientific institutions in Russia before the October Revolution, with the exception of the Academy of Sciences.

The Society, one of the most progressive scientific bodies in pre-revolutionary Russia, carried on diversified and extensive activities along the following main lines: expeditions and regular collection of material; setting up of exhibitions and, subsequently, museums; lecture programmes which made it the first «people's university» of this kind; publishing activities.

Based on democratic principles, the Society had a large number of correspondents in all parts of the country; they came from among the local intellectuals and for the most part did not belong to the gentry. This, in its turn, promoted the democratic trends in the work of the Society.

In the period after the October Revolution, the Society to a certain extent retained its importance (throughout the 1920's), but soon the leading role went to numerous specialized research institutions and educational bodies, which in some cases had sprung up on the basis of the Society. The Society's cultural legacy should be carefully studied in our day.